

The Category of the Tragic in Dramatic Discourse: German and Russian Languages

By Yuliya Pankina

Lomonosov Moscow State University

Faculty of Foreign Languages and Area Studies

e-mail: juliana_100@mail.ru

Abstract

In this paper, the ways of making the category of the tragic in German dramatic discourse are researched. Also, a problem of its pragmatic reconstruction in translation of dramatic text into Russian is attended.

Key words: pragmatic of the tragic, dramatic text, dramatic discourse, translation of the drama.

Категория трагического в драматическом дискурсе: на материале немецкого и русского языков

Панькина Юлия Анатольевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Факультет иностранных языков и регионоведения

e-mail: juliana_100@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются языковые средства создания категории трагического в немецком драматическом дискурсе. Также уделяется внимание проблеме воссоздания прагматики трагического при переводе текста драмы на русский язык.

Ключевые слова: прагматика трагического, драматургический текст, драматический дискурс, драматургический перевод.

Как известно, выбор языковых средств адресантом при создании художественного текста является субъективным, направленным на то, чтобы привлечь внимание адресата, вызвать у него определенные ассоциации. Это означает, что данные языковые средства обладают коммуникативно-прагматической заданностью [Сусов; 1984]. На наш взгляд, средства создания эффекта трагического в тексте драмы не являются в этом смысле исключением.

Материалом исследования была выбрана сцена первая трагедии И.В. Гете «Фауст» – «Nacht», поскольку эта сцена является, по сути, довольно крупным законченным эпизодом трагедии и, фактически, может быть поставлена на театральной сцене отдельно, как самостоятельная пьеса.

Говоря о дискурсивном аспекте драмы, нельзя не учесть коммуникативную ситуацию, в которую вписывается речь персонажей. В выбранной нами сцене уже само название – «Ночь» – сообщает о ее временном аспекте, а в подзаголовке сцены дается более подробное описание ситуации, места, в котором происходит разговор: *In einem hochgewölbten, engen gotischen Zimmer Faust, unruhig auf seinem Sessel am Pulte* (Старинная комната с высокими готическими сводами, Фауст, беспокойно сидит в своем кресле у стола). Представляя себе (или видя на сцене) ночь, темноту, тишину, комнату в средневековом стиле, а в ней – беспокойного, тревожного человека, размышляющего в одиночестве, читатель / зритель невольно настраивается на восприятие речи пессимистического содержания.

Теперь перейдем к анализу этой самой речи. Алгоритм нашего исследования следующий: за минимальную коммуникативно-прагматическую единицу исследуемого текстового материала мы принимаем *высказывание* [Сусов; 1984], которое одновременно является частью как дискурса, так и текста [он же]. Из совокупности высказываний данного текста мы выделили лексико-грамматические единицы, содержащие

коннотации трагизма. Это осуществлялось при помощи словаря немецкого языка «Duden» [www.duden.de; 2013]. Таким образом, мы подсчитали, что из 100% текстовых единиц «Сцены первой» примерно 50% содержат коннотации трагического, что составляет 1/2 объема всего анализируемого текстового материала, причем все эти коннотативно наполненные единицы принадлежат только высказываниям главного героя, которые составляют 67% от общего числа высказываний в «Сцене первой»; то есть в речи главного героя 75%, или $\frac{3}{4}$ высказываний обладают прагматикой трагического.

Здесь следует сделать оговорку. Поскольку в данной сцене нет прямой номинации лексемы *Tragoedie*, мы подсчитывали лексико-грамматические единицы с общими семантическими компонентами *Schmerz - Tod* (*страдание - смерть*), выступающими как причинно-следственная связь трагедии персонажа в текстах данного жанра. Обнаружилось, что в исследуемом текстовом материале способы выражения названных лексем довольно разнообразны: прямая объективация с добавлением оценочного компонента: *unerklärter Schmerz hemmt, geheime Schmerzen, O Tod!*; использование вариантных соответствий с различными прагматическими оттенками: *Pein* (*агония*), *Weh* (*боль*), *Leiden* (*страдания*), *Qual* (*мучение*), *Truebsal* (*скорбь*), *Jammer* (*горе*); способ метафорического выражения данной семантики: *Schmerz* – как правило, с помощью метафор с компонентом-соматизмом *Herz*: *Herz klemmt / verbrennt; das arme Herz; wie's in meinem Herzen reisst!; dein Herz ist tot!*; *Tod* – при помощи развернутых метафор: *Auf neuer Bahn den Aether zu durchdringen, zu neuen Sphaeren reiner Taetigkeit*; использование других лексических средств выразительности: пафос через эмфазу, аганактезис (*Es möchte kein Hund so länger leben!; Der letzte Trunk sei nun, mit ganzer Seele...*). Следует отметить, что эмфаза – довольно частый прием в данном текстовом фрагменте – она выражается, как правило, междометиями (*ach!; o Tod!; Weh!*), параллелизмом (*Das ist deine Welt! Das heisst eine Welt!*).

На наш взгляд, все названные приемы являются выражением авторской интенции в тексте, а это подтверждает заявленное нами выше положение о том, что средства создания эффекта трагического обладают коммуникативно-прагматической заданностью .

Следует также сказать и о прагматике ремарок как неотъемлемых компонентов текста драмы и как средств невербальной интеракции драматического дискурса [Сусов; 1984]. Для наглядности приведем пример:

Den ich bereit, den ich waehle,

«Der letzte Trunk sei nun, mit ganzer Seele,

Als festlich hoher Gruss, dem Morgen zugebracht!

(Er setzt die Schale an den Mund. Glockenklang und Chorgesang.)

(Букв.: Его (яд) я готовлю, его выбираю,

«Последний глоток будь то, со всей душой,

Как торжественно низкий поклон грядущему утру!

(Он подносит чашу к губам. Звон колокола и песня хора.)).

Высказывание, сообщающее о намерении главного героя сию минуту покончить жизнь самоубийством, благодаря пафосу способствует эмоциональному напряжению реципиента текста. Ремарка *«Er setzt die Schale an den Mund»* (или соответствующее ей действие актера на сцене) усиливает это напряжение до предела. Следующая за ней ремарка *«Glockenklang und Chorgesang»* выступает своего рода эффектом неожиданности, заставляет героя передумать и остаться в живых, а параллельно ослабляет эмоциональное напряжение реципиента, вселяет в него надежду на благополучный исход.

В случае, когда драматическое произведение становится объектом перевода, у него появляется особый реципиент – переводчик, который затем становится интерпретатором и, наконец, соадресантом текста для иноязычного адресата. Поскольку переводчик как соадресант для воссоздания текста на языке перевода руководствуется собственными соображениями, возникает вопрос: как это влияет на эффект трагического? Для того чтобы ответить на него, мы вновь обратимся к текстовому материалу, но уже с точки зрения сопоставительного анализа оригинального и переводных текстов. Мы останавливаем свой выбор на двух классических вариантах перевода «Фауста» на русский язык – это переводы Н.А. Холодковского и Б.Л. Пастернака.

Приведем примеры:

Es moechte kein Hund so laenger leben! (букв.: *Это ни один пес не захочет так больше жить!*).

Автор оригинала использует пафос, выраженный эмфазой, в составе которого присутствует аганактезис (риторическое восклицание, выражающее возмущение).

В переводе Н.А. Холодковского находим:

Так пес не стал бы жить! Погибли годы!

Переводчик добавляет еще один аганактезис, то есть в его варианте перевода появляется еще одна причина для страданий. Таким образом, под влиянием соадресанта эффект трагизма, на наш взгляд, в данном случае усиливается.

В переводе Б.Л. Пастернака видим следующее:

И пес с такой бы жизни взвыл!

Здесь переводчик использует прием антонимического перевода, не добавляя никакой новой информации от себя и сосредоточивая основное возмущение персонажа в глаголе *vzvytʹ* (по сл. Кузнецова, «поднять вой, шум», перен. «глубоко отчаяться», «испытать боль, страх»). Однако тот факт, что этот глагол сочетается с существительным *nes*, не позволяет адресату наделить его очень удачным для данного контекста переносным значением «глубоко отчаяться», которое бы усилило эмоциональную экспрессивность переводного варианта по сравнению с оригиналом. В данном случае этот глагол употреблен в прямом значении, что, на наш взгляд, ослабляет коннотацию страдания в переводном варианте.

Приведем следующий пример:

Das will mir schier das Herz verbrennen. (Букв.: *Это наверняка сожжет мне сердце*).

Употребление глагола *verbrennen* в метафорическом значении с семантикой *verletzen* (*повредить, ранить*) [www.duden.de; 2013] усиливает прагматику страдания, так как порождает ассоциации с болью, причиной которой является огонь, то есть с очень сильной, жгучей болью.

Н.А. Холодковский передает эту фразу следующим образом:

Изныла грудь от жгучего страданья!

Семантика страдания заложена в самом глаголе «изнывать» (по «Словарю русского языка» под ред. Абрамова, «изнывать – мучиться, страдать, тосковать»), поэтому добавление лексемы *страдание* как бы «удваивает» эффект трагизма в данном варианте перевода, а прилагательное *жгучее* сохраняет коммуникативно-прагматическую интенцию автора оригинала.

Б.Л. Пастернак передает это высказывание следующим образом:

И этот вывод мне сердце гложет.

Переводчик передает лишь семантику единицы оригинала (по словарю Ожегова, «глодать» – «мучить», «терзать»), однако не сохраняет заявленную в оригинале интенцию автора, что означает ослабление эффекта трагического в данном варианте перевода.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что степень трагизма в тексте драмы может варьироваться: повышаться или понижаться при переводе текста на другой язык, что обусловлено коммуникативно-прагматической интенцией переводчика как соадресанта текста. Также мы выяснили, что немаловажную роль в создании эффекта трагизма играют паралингвистические компоненты драматического дискурса, такие, как заголовок с подзаголовком и ремарки, обрисовывающие коммуникативную ситуацию в драматическом произведении.

Список использованной литературы и источников

Гете, И.В. Фауст: трагедия / И.В. Гете. – М.: АСТ, 2009. – 748 с. – (Золотая классика).

Гете, И.В. Фауст: трагедия / И.В. Гете. – М.: «Молодая гвардия», 1973. – 398 с.

Сусов, И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы.

Режим доступа: <http://homepages.tversu.ru/~ips/IPS1984a.html>

Duden online / Bibliographisches Institut GmbH: <http://www.duden.de>

Faust: Der Tragödie erster Teil by Johann Wolfgang von Goethe / The Project Gutenberg: <http://www.gutenberg.org/ebooks/2229>.